

Воспоминания о Викторе Варшавском

Л.И. Розоноэр

Само имя – Витя Варшавский – веселое, оно воспринимается так даже теперь, когда стряслось непоправимое. Вити уже нет – это можно понимать, но представить невозможно. Витя был (а в моем сознании и остался) веселым человеком. Он весело жил и работал весело. Когда он появлялся, все оживлялись. Самые, казалось бы, скучные статьи в его пересказе представлялись захватывающе интересными, а его собственные работы всегда блистали остроумием и постановочных задач, и их решениями. У него могли быть и не очень глубокие работы, но не было скучных и безыдейных, тупых. Он обладал замечательным чутьем на живые, развивающиеся, перспективные направления. Виктор мгновенно подхватил идеи М.Л. Цетлина об играх автоматов и стал одним из основоположников этого направления. Он быстро оценил перспективность нейронных сетей и сделал несколько посвященным им первоклассных работ.

В.И. Варшавский не был чистым теоретиком. Его интересовали и волновали не столько абстрактные идеи, сколько их воплощение – и в «железе» (он оставался, в первую очередь, инженером), и в живых организмах. Может быть, именно поэтому его мнение было так важно для всех нас – и математиков, и инженеров, и физиологов. Все с интересом ждали его оценок – всегда доброжелательных, но часто нелицеприятных. Незабываемы «комаровские симпозиумы», где Витя был радушным хозяином и самым активным участником всех дискуссий. Он был также зачинщиком и душой всех дружеских застолий, во время которых проходили самые оживленные и интересные дискуссии.

К сожалению, последние 10-15 лет разобщили нас, я не имел возможности систематически видеть Витю «живьем», но его присутствие в моей жизни ощущалось повседневно.

Хочется закончить словами В.А. Жуковского:

*Не говори с тоскою – нет,
Но с благодарностию – были.*

В.Е. Хазацкий

Я знал Витю Варшавского около 30-ти лет и мы были хорошими друзьями.

Последние 15 лет, когда судьба разбросала нас из России по свету, его в Японию, затем в Израиль, а меня – в Америку, мы особенно сблизились.

Он был умным и толковым человеком, разным, но всегда интересным и никогда тривиальным. Он сделал самого себя сам и добился многого.

И вот теперь перестал жить... Это очень плохо и очень обидно.

Л.Б. Шипилина

Я глубоко сожалею, что Вити больше нет с нами. Тем более, что тема потери для меня все еще очень близка и болезненна.

Я хочу здесь вспомнить забавную историю по поводу Витинового самолюбия, что ли.

Однажды мы собирались у Асмик Григорян на небольшую поддачу. Среди прочих там был Леня Вольвовский, а Витя несколько запоздал. Пока его не было, Вольвовский рассказал какой-то анекдот, как всегда очень красочно, что вызвало гомерический хохот. Пришел Витя, сел за стол и, будучи уверенным, что он, как всегда, в центре внимания, рассказал тот же анекдот. Нельзя сказать, что он рассказал его хуже, но публика встретила анекдот гробовым молчанием. Это вызывало у Вити обиду и недоумение, и он остаток вечера подавленно молчал, тем более, что почему-то ему никто ничего не объяснил.

Еще я вспоминаю, как мы с Лешей Марковским были в Ленинграде и попали на семинар, который Витя вел блестяще. Выступал его аспирант - мальчик по фамилии, если не ошибаюсь, Кишиневский, что вызывало Витины шутки по поводу фамилий на "...ский" в теории автоматов (Варшавский, Песчанский, Мараховский, Марковский, Вольвовский, Кишиневский ...).

О.И. Кутузов

1. Поздравление Варшавскому по случаю его 50-летнего юбилея

Я проснулся в холодном поту,
Шестеренки в мозгу у спортсмена стучат:
Неужели действительно Ильичу
Уже пятьдесят?

Эта цифра пугала угрюмостью лиц,
У достигших, в чертах камня,
А сегодня товарищ наш, Виктор, Ильич,
Первый грудью коснулся черты Юбилея!

Автоматы Варшавского, сети Петри,
Параллельная сложность жизни процессов.
Мы когда-то синхронно по Невскому шли,
Асинхронно в ячейках избегаем эксцессов.

Я смотрю на тебя, готовый на сладкую лесть,

И не вижу в тебе юбилейного хлама.
Я готов с тобой снова строить и мечь
На прекрасном зеленом на Хиумаа.

23 февраля 1983 г.

2. Текст к диафильму «Наш герой – В.И.Варшавский" по случаю его 60–летнего юбилея

Мое вступительное слово

Добрый вечер, уважаемые любители... юбилеев!

Главная редакция торжественных передач приветствует Вас.

Мы убеждены, что Вы знаете зачем и к кому Вы пришли, и в связи с чем находитесь в этом зале. И, тем не менее, мы не исключаем возможности того, что кто-то только к концу вечера узнает, кого он пришел славить, и туда ли он пришел, куда шел.

Сочувствуя нетерпению ваших сердец перейти в соседнее помещение, мы все же решаемся задержать ваше внимание и очень кратко рассказать о нашем сегодняшнем герое, о ЧЕЛОВЕКЕ, КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ (далее текст, сопровождающий фотографии).

1. Это вдумчивое, одухотворенное и, безусловно, интеллигентное лицо, которое невольно привлекает наше внимание, пробуждая живое любопытство и интерес. Кому же оно принадлежит?
2. Не так давно, но вроде и не совсем недавно, в прекрасном Ленинграде у этих исключительно милых, необыкновенно красивых людей обыкновенным образом родился обыкновенный мальчик.
3. Милое очаровательное дитя, каких миллионы на нашей чудесной планете.
4. Но взгляните в его лицо. Пухленькие щечки, мягкий игривый ротик, внимательный острый взгляд с хитринкой уже тогда обещали будущего мастера словесного каламбура и великолепного рассказчика анекдотов.
5. Мальчик рос. Пытливо всматривался в окружающий мир.
6. Папа приобщал его к мировой культуре. Этот снимок сделан за неделю до войны. Кто знает, не случись войны – наш герой стал бы знаменитым писателем – фантастом или сатириком.
7. Шли годы. Малыш хорошел.
8. Тянулся к девочкам, созревая для первой любви.
9. Заложённая с генами страсть к точным наукам и механизмам привела юношу в институт точной механики и оптики.
10. Тела вращения привлекли его внимание округлостью форм, смутно будоража половые инстинкты. Во весь рост встал вопрос: в чем же выразить себя?
11. Как большинство молодых людей, наш герой прежде всего пробует свои способности в спорте. Борец по натуре, он выбирает классическую борьбу и развивает сильные мускулы и гармоничное тело.
12. Соперничество не страшит его. Он выигрывает один поединок за другим. Становится чемпионом и ...

13. Быстро попадает в компанию интеллектуалов. Занятия спортом были прерваны дисквалификацией (о чем сообщила потрясенным читателям газета «Советский спорт»), и наш герой полностью отдается науке.
14. Наука кажется ему более надежным прибежищем. Страсть к автоматам (и их коллективному поведению) становится главной темой его жизни.
15. Становлению молодого ученого во многом способствует его необыкновенно талантливый учитель. Он без устали придумывает интересные, почти неразрешимые задачи.
16. Наш герой мучительно их мажорирует и прилежно их решает.
17. Появляются собственные ученики.
18. Самый верный не расставался с ним даже по ночам. Целыми сутками они просиживали за решениями сложных комбинаторных задач.
19. Вырисовывались контуры собственной научной школы, мозговитой, мускулистой, уверенно взявшей в свои руки аппаратные средства.
20. Несмотря на анкетные дефекты, Солик становится выездным.
21. Научный мир внемлет его голосу, одаривая обещающими улыбками.
22. Признанным авторитетам пришлось поспешно потесниться за столом успеха.
23. Патриарх вычислительной техники разрешал ему сидеть рядом.
24. Зрелость приходила быстро. Лидер новой научной школы уверенно взялся за микрофон, ...
25. Все большее внимание, уделяя проблемам Высшей школы, он умело обращался с сосудом знаний.
26. Страсть к машинам «Бибиджа», так сильно проявившаяся в студенческие годы, была удовлетворена на дорогах Британии и Финляндии, ...
27. где наш герой наездил тысячи...
28. километров не за «свой счет».

Здесь сопроводительный текст обрывается. Возможно, последовало приглашение к столу. Точно не помню.

Ниже – Витин материал, который он мне дал, видимо, для сопровождения стола – я не помню, кто был тамадой.

СЕМЬЯ

Люля (Луэлла Александровна) – мама, Лена – дочь, Вадик – ее муж, Миша – сын, Света – его жена, дед Слава и баба Мила – родители Вадика, Володя – Наташин брат, Валя – его жена.

ШАГИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Детский сад: Владик Шамшур – пилот, журналист, Рима – его жена.

Неполная средняя школа: Гриша Серебровский – вместе в школе начали заниматься борьбой;

10 класс: Левушка Клейнард – сидели на одной парте.

ГОПА

Лука (Володя) и Степанида (Ира) Яковлевы, Гаврила (Игорь) и Клавочка (Рита) Боголюбовы, Адам (Эдик) и Надежда Сергеевы, Сержант (Аркадий) и Ольга Ивановы, Кутя (Олег) и Ира Кутузовы.

ЯПОНСКАЯ КОМАНДА

Рафа и Таня Лашевские, Слава и Ира Мараховские, Саша Таубин,

УЧЕНИКИ (Не вошедшие в другие фракции)

Боря Овсиевич и Ира Воронцова, Валера и Ира Песчанские, Марк и Лариса Выдревичи.

БАНЯ

Гена Колбасов, Радик Тихомиров, Леша и Леня.

ПОДРУГИ ЖЕНЫ, к которым юбиляр не равнодушен

Таня Яговкина, Ира (с Юрой) Коршун, Наташа Семикова, Люда Борисенко (с Борей).

ДРУЗЬЯ В ЖИЗНИ И НАУКЕ

Валя и Зина Ивановы, Володя и Марина Лазуткины, Гена и Мила Новиковы, Рем и Ира Сольницева, Дима и Мила Пospelовы, Яша Альтман.

БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Виктор Львович (*изобретатель корабельных булевых функций*) и Оля Перчуки.

ВИНОВНИКИ ТОРЖЕСТВА

Витя и Наташа Варшавские.

Д.А. Денисов

Известие о смерти Виктора Варшавского прислал мне по электронной почте Шура Яковлев из Нью-Касла 3 января 2005 года. Я перезвонил вечером Шуре домой и, не застав его (он срочно уехал по делам в Кэмбридж), довольно долго говорил с его женой Машей. Собственно, говорила в основном Маша на своем, чуть испорченном многолетней жизнью в Англии, русском. Маша рассказала мне то, что знала, а знала она в тот момент не так уж много. Виктор умер от рака легких в Израиле, у себя дома с окнами на море.. Остальное приходится додумывать.

Сегодня 11 января, вторник, и утром пришло сообщение от Лени Розенблюма из Бостона с просьбой поделиться своими воспоминаниями – шуточно – юмористическими или серьезными – о Викторе Ильиче. Леня написал, что он и самые близкие друзья Виктора хотят опубликовать что-то вроде томика воспоминаний и поэтому любая контрибуция со стороны людей, близко знавших Виктора Ильича, приветствуется.

Хорошо сказать – поделись воспоминаниями. Воспоминания – вещь интимная и преломляется через твою личность. Если тебе повезет, ты вспоминаешь про себя самого и про то, с кем ты встречался пил, курил, работал, обсуждал новости телека, ссорился вдрызг и т.д. Если тебе не повезет, эти воспоминания превращаются в обрывки обстоятельств, встреч и расставаний, депрессий и радостей. Я кружу в своей Тойоте по Мюнхену и вспоминаю. В Мюнхене необычно тепло (+14 ° C) и солнечно. Что-то не так в небесной канцелярии. Где же ты где Питерская зимушка-зима?

Мысли прыгают с одного на другое, но (удивительная вещь) по какой-то неведомой траектории возвращаются опять и опять к Виктору Варшавскому – доктору наук и профессору кафедры МОЭВМ ЛЭТИ, на которой я проработал практически всю свою профессиональную жизнь. Впрочем, вспоминать про кафедру как таковую не очень-то и хочется.

Что же вспоминается? Я школьник. Начало 60-х прошлого века. Я люблю стихи и хожу в литературный кружок, где я и такие же любители читают свои опусы. Мы смотрим по вечерам ТВ, где довольно часто ведет свои передачи писатель-фантаст Илья Варшавский. Передачи умные (может, даже чересчур), и писатель объясняет свои рассказы, которые я большей частью не читал. Я не любил тогда, как впрочем и сейчас, фантастику. Но дело в другом. Дело не в фантастике и литературе, а в самом писателе. Седая борода и седые волосы, ежиком сверху и гладко зачесанные по бокам. Удивительные глаза – умные и теплые. Я иногда ловил себя на мысли, что известный и популярный писатель-фантаст Илья Варшавский привлекал меня этими *гипнотизирующими глазами*. Это был отец Виктора.

Прошло время и я, как и мои однокашники, закончил кафедру вычислительной техники ЛЭТИ - кафедру почитаемого всеми нами профессора Владимира Борисовича Смолова. Мне удалось остаться работать в ЛЭТИ. В 1979 году путем отпочкования (spin off) образовалась кафедра МО ЭВМ. В 1980 году на кафедре появился знаменитый уже в то время профессор Виктор Ильич Варшавский. Чем он был знаменит, я точно не знал, но слухи были очень восторженные. Мне было уже 35. После недавнего развода с женой я старался выглядеть достойно и привлекательно для второй половины человечества и носил красивый по тем временам темносиний финский костюм-тройку. Виктор как-то остановил меня в коридоре кафедры на первом этаже второго корпуса ЛЭТИ и сказал:

– Послушай, ты выглядишь, как американский шериф в своем костюме.

Я так и не понял, была ли это насмешка или комплимент, но на всякий случай поблагодарил.

– У меня есть дело, которое я хотел бы обсудить с тобой, - продолжал Варшавский, – Как насчет того, чтобы поговорить после этой пары?.

В результате мы договорились снимать зимнюю дачу в Комарово на двоих - на меня и семью Виктора. Так я познакомился с Наташей Варшавской – женой Виктора – и их дочкой Леной. Часто мы ездили в Комарово на машине Варшавских (ЛАДЕ - четверке-комби) и катались на лыжах. Собственно, катались Наташа, ее дочка Лена, Наташина подруга Татьяна и я. Лене было что-то около 15 или 16-ти лет, если я не путаю. Виктор сидел на даче, непрерывно пил крепкий чай и работал. Лыжные маршруты в Комарово удивительны. Лыжня идет мимо Комаровского

кладбища с могилой Анны Ахматовой и далее мимо Щучьего озера на Зеленогорск. Ели и сосны вокруг, белый-белый глубокий снег. Лыжня идет то чуть-чуть вниз, то чуть-чуть вверх, и ты скользишь по ней и наслаждаешься магией природы и движения. Позавчера мы катались с женой на лыжах в Тироле и, несмотря на полный восторг от ландшафта и ослепительного солнца и гор, я поневоле сравнивал тирольскую лыжню с той, Комаровской. Что-то ностальгическое всплывало в памяти, и иногда казалось, что хорошо было бы вернуться на ту прежнюю лыжню... Память и наши воспоминания играют с нами в жестокие игры. Нельзя прыгнуть на 25 лет назад. Виктор практически не катался на лыжах, но зато колот дрова. К нашему возвращению печка на даче была, как правило, уже натоплена. Можно было раздеться, отнести лыжный костюм в сушку и принять сто грамм, курить и долго трендеть о разном. Я боюсь утверждать, что Комаровская природа давала Виктору дополнительный творческий импульс, но что-то было в этом времяпрепровождении. Я бы сказал релакс, так необходимый Виктору Ильичу в его сумасшедшем жизненном и профессиональном ритме. *Возможно, Виктор согласился бы со мной сейчас.*

Наши амбиции – это наша профессиональная жизнь на кафедре. Наша наука. Все отдать ради науки. Не щадить себя. Мы не щадили себя и, Виктор, в том числе. Но мы – это понятие не однородное. Мы ненавидели представителей другого научного цеха. Зависть, почитание, неприязнь, страх и обожание – вот тот клубок чувств и мыслей, который обуревал нами.

Я вспоминаю...

От той близости с Виктором, которая была в 1980 году, не осталось и следа. На дворе другое время. Я в жутком профессиональном трансе и еду к Виктору домой для разговора по моей инициативе. Мы не то что враги, но находимся в состоянии «заморозки». Он не понимает, чем я занимаюсь и почему это важно, а я в отчаянии от околонучных игр наших коллег.

– Привет, – говорю я.

– Привет, – отвечает он.

Садимся за стол. Я излагаю проблемы со своей докторской диссертацией. Он слушает молча. Я кончаю излагать и останавливаюсь.

Он говорит:

– Знаешь, Дима, давай выпьем».

Наташа приносит бутылку. Мы выпиваем по первой.

Он продолжает:

– Знаешь, я всегда считал, что защищать можно то, что уже сделано. Но ты же на полпути.

Я возражаю.

– Ну, хорошо, ты на $\frac{3}{4}$ пути, но ты же не закончил работу.

Слушать обидно, но в глубине души я понимаю, что он прав, и проклиная себя. Несмотря на то, что он далек от нюансов моей темы, он прав.

Мы выпиваем еще раз. Пауза затянулась. Я бросаю взгляд на книжные полки и вижу огромное количество томиков Маяковского. То ли под влиянием кайфа от водки, то ли от нахлынувших внезапно воспоминаний юности, я начинаю внимательно сканировать глазами книги Маяковского. Наташа уловила перемену моего настроения и вступает в разговор.

– Эти книги достались от Виктора мамы, Ты, наверное, знаешь, что она воспитывалась в семье Лили Брик.

Я остолбенел и пытаюсь соединить своего поэтического кумира с семьей Виктора Варшавского. Боже мой!

Где-то в 1967 года я купил 13-томник Маяковского у букинистов на Московском проспекте и с тех пор он путешествует со мной по свету. Красные томики. Но красные снаружи, но не обязательно изнутри. Уезжая в Мюнхен на ПМЖ, мы совещались с женой, что брать с собой. Маяковский был вне территории для компромиссов. 13-томник перечитан мною многократно. Мое отношение к Лиле Брик – противоречивое. Тем не менее, открытие, сделанное в квартире Виктора на Брянцева, было очень сильным. Наташа рассказывала какие-то факты (которые знала), Виктор вставлял скупые замечания. Время стерло многие детали. *Остался тот вечер и та встреча.*

Я вспоминаю...

Январь 1983-го. Виктору пятьдесят. Юбилейный банкет проходит в «Доме праздничных торжеств» на проспекте Мориса Тореза в двух остановках от Площади Мужества. Масса народа. Человек 150, а может и больше. Среди приглашенных, конечно, знаменитости и близкие соратники Виктора: доцент Леня Розенблюм (среди своих – Лёка), доцент Слава Мараховский – ныне профессор в Японии, династия Яковлевых: профессор Владимир Борисович и его сын - Александр Владимирович (Шура) – ныне профессор в Университете Нью-Касла, высоченный и элегантный Олег Кутузов, доцент (ныне профессор) ЛЭТИ, а в прошлом знаменитый баскетболист – лидер ленинградского «Спартака», аспиранты, м.н.с.-ы, с.н.с.-ы, доценты и профессора. Легендарный профессор из Москвы Дмитрий Александрович Поспелов блещет своим настоящим, а не искусственным интеллектом. Среди столиков скромно ходит наш заведующий кафедрой – профессор Владимир Иванович Тимохин с извечной сигаретой в руке. Он умиротворен и ведет себя демократично со всеми. Возможно, завтра многие из присутствующих на банкете будут часами просиживать в его проректорской приемной, дожидаясь аудиенции, а сегодня он – «свой среди своих». Ровно через десять лет – в январе 1993 года – мы будем хоронить Владимира Ивановича на Серафимовском кладбище в Петербурге, но сейчас мы этого еще не знаем.

Вечером самозабвенно тамадит Леня Розенблюм. Искрометные шутки и серьезные тосты сменяют друг друга, и Леня в своей стихии. Он рулит этим веселым праздничным процессом, не взирая на «лица» и поднимая знаменитостей с места иногда не в самый подходящий момент. Дамы и жены в вечерних платьях с безупречной косметикой и прическами. Оживление, шум, смех, улыбки, почтительный восторг. Виктор внимателен к каждому в отдельности и ко всем сразу. Улыбается, отвечает на приветствия, юморит. Когда Леня, наконец, дает слово и право тоста юбиляру, тот встает и благодарит всех за поздравления и за все теплые и хорошие слова в свой адрес и произносит запомнившуюся мне фразу:

– Дорогие друзья, – говорит Виктор,

– Знаете, я рад, что на этом вечере нет людей, которых я бы не хотел видеть на своем юбилее. Может быть, это тоже один из моих результатов.

Я не гарантирую точность цитаты, но смысл был на 100 % в этом. Серьезность фразы, возможно, дошла до меня не сразу, но запомнилась она навсегда. О чем собственно речь, все понятно. Но свобода выбора и свобода

поступков, честность перед своей совестью и перед своими коллегами – были тогда в далеком 1983-м не ординарным делом. Тогда в 1983-ем далеко не каждый мог бы сказать такую фразу про себя. *Виктор мог.*

Виктор был максималистом. Я не помню, чтобы кому-то было с ним легко в профессиональной жизни. Он не любил тех, кто лижет жопу. Сам жопу никому не лизал. Находил другие аргументы.

Нас разбросало время и .... обстоятельства. Разбросало по разным странам и городам. Собственно мир тесен, почему бы и нет. Но упорно пульсируют в голове строчки:

*«Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать...»*

Как не печально, у Бродского это не получилось, он похоронен в Венеции. У Виктора тоже. Внутри довольно муторно и другие строчки накатывают ностальгической волной:

*«Но под осень, заблудших лоя в невода,
Заполняет каналы морская вода , вынуждая к попойке,
И мечтою наивной пугая юнцов,
Всё дрожат отражения странных дворцов
На Фонтанке и Мойке».*

Где бы мы ни были, мы дрожим от воспоминаний о *Петербурге и о нашем времени в нем, и Виктор Варшавский* будет всегда в нашей памяти как часть отпущенного нам времени.

Я кружу на машине по Мюнхену и вспоминаю...

Мюнхен, январь 2005 г.

Р.А. Лашевский

Виктор Варшавский в моей жизни

Я познакомился с профессором Электротехнического института Виктором Ильичем Варшавским году в 1985 году на дне рождения у другого профессора этого института, Александра Васильевича Плотникова (если попросту, то у Шуры). Не знаю что, но что-то привлекло нас друг к другу, и мы начали сотрудничать. В это время я занимался проблемой создания отказоустойчивых запоминающих устройств. Это была исключительно увлекательная работа. Забегая вперед, надо сказать, что эта часть моей творческой инженерной жизни закончилась успешно, и в Ленинградском Конструкторском Бюро Объединения “Светлана” была создана первая в мире микросхема памяти, которая сама себя чинила. Я был главным конструктором этой разработки. Участие такого замечательного ученого, как профессор Варшавский, было нам обоюдно (оба юды) полезно. Вместе с моим аспирантом Колей Брагиным мы опубликовали три статьи в научных журналах.

Отвлечусь чуть-чуть, чтобы вспомнить поездку с Виктором на симпозиум по отказоустойчивым структурам в Эстонию в январе 1986 года. Там я сочинил:

*Ученый каждый захотел бы
Науку двигать, здесь вот сидя,
На хуторе прекрасном Эльби
С бутылкой, купленной в Синди.*

*Ведь для движения науки
Нужны свобода и покой.
Эстонцев ласковые руки
Жизнь нашу сделали такой.*

В том же году я получил в подарок книгу под редакцией Варшавского “Автоматное управление асинхронными процессами в ЭВМ и дискретных системах” с дарственной надписью: *“Нет, не уйдет в забвения ил поэт Лашевский Рафаил”*.

А дальше случилось вот что. Это было уже в 1992 году. Мне как раз исполнилось шестьдесят лет, и 23 августа у нас был полный дом гостей. Среди них Виктор Ильич Варшавский. Я уже знал, что Виктор приглашен на работу в Японию, в строящийся там интернациональный университет. Он успел съездить туда, прошел интервью с президентом университета профессором Куни, крупным ученым, который и предложил губернатору префектуры Фукушима идею создания такого необычного для Японии университета. Виктору было предложено взять с собой несколько русских ученых.

Когда, провожая Варшавского, вышел с ним на лестничную площадку, он сказал:

– А поехали со мной в Японию?

Будучи в состоянии легкого алкогольного опьянения, я легко согласился:

– А что, поехали.

– Приезжай ко мне завтра, – предложил Виктор.

Назавтра я приехал к Варшавскому. Мы заполнили необходимые бумаги, и вместе со списком моих 62 научных работ и 50 с лишком изобретений, отправили по электронной почте в Японию. В тот день я впервые увидел электронную почту.

Примерно через месяц пришло сообщение, что мне предлагается должность полного профессора. Честно говоря, ни я, ни Виктор такого не ожидали. Прислали и бумагу с подробным описанием университета, условий работы, жилищных условий и тому подобное. Все это было настолько необычно, настолько увлекательно, что отказаться было невозможно, хотя пришлось выбирать один из трех путей продолжения жизни.

Дело в том, что во время первой зарубежной поездки (а такие поездки стали возможными только после начала перестройки, так как я работал на закрытом предприятии) на конференцию в Варшаву, где я сделал доклад о работе моей лаборатории в области проектирования однокристалльных микропроцессорных систем, ко мне привязался некий англичанин и предложил найти для нас работу в одной из европейских стран. Холодная война окончилась, железный занавес поднялся, появились надежды на будущее. Я, правда, не очень серьезно отнесся к этим разговорам, но через некоторое время он прислал предложение спроектировать для одной европейской фирмы некое микроэлектронное

устройство, пообещав уплатить что-то около пяти тысяч долларов. Целью работы была проверка нашей квалификации. Я согласился и привлек к разработке двух своих лучших инженеров, Они быстро сделали все, что было нужно, и через некоторое время мы получили обещанные деньги и приглашение поработать два года в Германии. У меня впервые появилась валюта – так, в отличие от российских бумажных рублей, тогда называли доллары.

В это же время наша семья – я с женой Таней и дочка с мужем - получили статус беженцев в США, так как там уже находилась моя сестра с нашей мамой.

Вот так, выбирая между Европой, Америкой и Японией, мы с Таней выбрали Японию. Надо сказать, что я никогда не пожалею об этом решении. Девять лет, проведенных в Японии, оказались, может быть, самыми интересными годами моей жизни. И за это я всегда буду благодарен Виктору.

Перед отъездом в Японию 23 февраля 1993 года мы с Танечкой были в ресторане на праздновании шестидесятилетия, теперь уже Виктора. Там мы подарили ему кошелек с такими стихами:

*Вас ждут большие перемены.
Примите этот кошелек,
В котором место для йены.
В него бы доллар тоже лег.*

Кроме того, было написано и такое:

*Ильич всегда искал свободу,
Ему свобода – по плечу.
As a new suit on Victor's body.
Я с ним в Японию лечу.*

*Пока же в нем валюты нет, а
Лишь память о смешной стране.
Здесь сторублевая монета.
Монета есть, а денег нет.*

*Питаться будем ихней пищей:
Рыбой, рисом, мелкой репкой.
Ильич наш – духом он не нищий.
Там будет он и телом крепкий.*

А в марте этого же года мы уже летели в Японию. С Виктором были жена, дочка и ее муж, Вадим Смоленский, а главное, два чудесных трехлетних внука-близнеца, с которыми я дружил все девять лет в Японии.

Жизнь в этой стране оказалась удивительной.

О том, что мы попали в совершенно необычную страну, стало ясно в первый же день. В Токио нас поместили в роскошную гостиницу, а вечером повезли показывать заказанный Варшавским “Ночной Токио”. Мы попали в так называемый “Дом гейш”, где, сидя на полу, смотрели какое-то представление.

Когда после его окончания мы погрузились в автобус, из подъезда выбежал служитель, влез в автобус и стал спрашивать, кто потерял кошелек. Это оказался набитый двумя тысячами долларов, полученных за тот самый немецкий проект, мой кошелек. Он выпал из заднего кармана, когда я сидел в непривычной позе на полу. Я взял кошелек и подумал, могло ли такое быть в России, кто бы вернул мне кошелек с деньгами.

Вот так началась наша совершенно необычная жизнь в Японии. А вот сидеть на полу, так легко подгибая ноги, как это делают японцы, за девять лет ни я, ни Виктор так и не смогли научиться. Это надо было начинать с детства.

Теперь я могу думать, а не лучше было бы поехать в Германию? Или в Америку? Или остаться в России? Кто его знает. У человеческой судьбы, как и у истории, нет сослагательного наклонения.

Университет был построен в городе Айдзувакамацу (118 тыс. жителей), в горах, на острове Хонсю, в 310 км к северу от Токио. Приехали на скоростном поезде *Синкансен*, скорость более 200 км/час. Встреча на вокзале. Телевизионные камеры, поклоны, поклоны, автомобили, дорога, наш дом, снова поклоны. Новая, только что построенная трехкомнатная квартира. Прекрасная мебель. Все предельно удобно и предусмотрительно.

Деньги дали сразу по приезде. Оказывается, мы начали работать, пока еще были в России. Дали зарплату и еще кучу денег в долг почти без процентов. Тут же застраховали. В Университете оказалось двадцать восемь русских профессоров, в их числе Саша Таубин, Слава Мараховский, Леша Кондратьев, приглашенные Виктором. Действительно, из России можно выкачивать невостребованный там интеллект.

Вежливость, аккуратность, совершенство и красота всего вокруг были поразительны. Каждому вновь приехавшему приставили японца-*volunteer'a*, он учил нас, как надо жить в этой стране. Мы с нашим по-настоящему подружился. Шимао-сан показал нам все замечательные места в городе и его окрестностях, а их много, научил ходить в магазины, собирать и сдавать мусор и множеству других мелочей, без которых жизнь в совершенно чужой стране была бы невозможна.

Нам, русским, не показалось бы странным, узнать, что эти добровольцы приставлены японскими спецслужбами. Однако, никаких признаков этого мы за многие годы дружбы не обнаружили, только готовность помочь в любом деле.

Первые месяцы в Айдзувакамацу среди русских профессоров шли постоянные разговоры, кто какую купил (купит) машину. Их множество типов. Дилеров по продаже десятки, а заправочных станций в Айдзувакамацу почти столько, сколько в Москве. Это подсчитал один наш профессор.

Мы с Виктором купили по автомобилю *Honda-Integra*, их привезли с завода через две недели. Но на это время дали (привезли прямо домой) *second hand* такие же машины, чтобы ездили. И это без всяких разговоров, подписей, оформления бумаг. Так, чтобы нам было максимально удобно. Привезли, поставили около дома, поклонялись и уехали. Все время в Японии мы каждые полгода получали открытку от дилера с предложением приехать в удобное для нас время проверить автомобиль. Приезжали, нам кланялись, девушка спрашивала, что бы мы хотели выпить – чай, сок или кофе, пол-часика пили чай и читали газету, тут, опять кланяясь, приносили счет, провожали до сверкающей машины, говорили *китс-кате*, что значит *будь внимателен*, махали рукой, пока машину было видно.

Прием у губернатора префектуры. Ей, этой префектуре, и принадлежит университет, поэтому каждый профессор – чиновник префектуры определенного класса. Полный профессор – 21-го (весьма высокого) класса. Перед приемом каждому выдали бумагу с планом и указаниями, кому где стоять, где будет стоять губернатор, где чиновник, который подаст губернатору мой аттестат профессора, который мне надо принять сначала левой, а потом правой рукой, как поклониться, как отойти и где потом встать. Конечно, телекамеры. Чайная церемония. Разговор с губернатором о совпадении нашего приезда с цветением сакуры. Губернатор красив и очень важен. Дали значок чиновника. Его надо носить. Похожую церемонию мы прошли еще раз при вручении диплома о приеме на постоянную позицию, а это случилось после аттестации через три года.

Поскольку мы были чиновниками префектуры, то в возрасте 65 лет должны были идти на пенсию. Не забуду, что именно Виктор сумел договориться с президентом университета, и тот добился решения губернатора префектуры о разрешении нам работать до 70 лет. Здорово, еще пять лет в этой чудесной стране!

Пару слов о жизни в Японии. Праздник цветения сакуры, по нашему, дикая вишня. Парк вокруг старинного замка весь в бело-розовом облаке, на траве на синих подстилках сотни компаний, пьют саке и пиво, но нет пьяных. Мы с нашим волонтером и его женой на такой же подстилке. Самодеятельность. Старинные самурайские представления. Японские барабаны – впечатление, как от землетрясения.

Может быть, самое главное – горы. Вокруг города со всех сторон. Самую большую уважительно называют – Бандай-сан. Я говорю так, потому что, обращаясь к человеку, к его имени тоже добавляют уважительное “сан”. Правда, мне объяснили, что совпадение случайное – для горы есть два слова, “яма” и “сан”, второе употребляют для названия больших гор.

Устройство японского языка понять было трудно, как и многое другое в этой стране. Зачем двенадцать систем счисления, отдельных для разных случаев? Например, две бутылки или два человека – цифра два звучит по-разному. Моя жена и чужая жена – *канай* и *окусан*. *Токио* и *Киото* – новая и старая столицы страны. *Кио* – значит столица, *то* перед названием значит новая, а *то* после названия – старая. И так далее, такие же сложности. А интересно получается: КИОТОКИОТО.....

Бандай-сан еще в снегу. 15 минут на машине, и дух захватывает от красоты и высоты, поворотов, водопадов, обрывов, поначалу казавшихся страшными, но быстро привыкли. Лыжные трассы с подъемниками, горячие источники, около них роскошные отели.

Прекрасные дороги со светофорами даже на маленьких перекрестках – максимум безопасности. Левостороннее движение. Привыкли быстро. Никогда не забуду такую сцену. Еду в университет. Вижу, стоят пять маленьких, лет по шесть, девочек в желтых шапочках. Им надо перейти через дорогу. Остановился, помахал рукой, чтобы переходили. Девочки все вместе поклонились, перешли через дорогу, повернулись ко мне и опять поклонились. Я чуть не заплакал. Оказывается, эта вежливость у них уже с раннего детства.

Вот в какую чудесную страну мы попали.

В Университете ученые из 15 стран, кроме русских, американцы, в основном, преподаватели английского, канадцы, китайцы, поляк, немец, два

индуса, тунисец, турок, а японцев - меньше половины. Стоимость Университета – более 500 млн. долларов. Это значит, что в префектуре есть деньги. Компьютерной техникой университет набит.

Университет – огромные здания, абсолютно удобные, продуманные до мелочей. Уборщики и уборщицы в форме салатного цвета постоянно что-то убирают и полируют. Был потрясен, когда увидел, как зубной щеткой вычищают грязь из щели между гранитными плитами университетского двора. Все двери в университете открываются автоматически. Охрана в форме, с аксельбантами, в белых перчатках. Кланяются. Никаких пропусков. У каждого сотрудника магнитная карта, открывающая положенные ему по статусу двери. Виктору и мне почти все – полные профессора! В Университете бассейн, спортзал, массажные кабинеты, ресторан. Все очень богато.

Площадь наших офисов в лаборатории “*Computer Logic Design*”, начальником которой был Виктор, метров по 35. За комнатой Виктора моя комната, потом Вадим Смоленский, а дальше еще из нескольких комнат для доцентов и ассистентов. Дверь открывается только от старшего к младшему, если наоборот, то надо постучаться. Потом стало понятно, что это типично для Японии - разное отношение младших к старшим и старших к младшим. Даже язык отражает это радикальное неравенство – одно и то же обращение старшего к младшему и младшего к старшего выражаются разными словами. А может быть, надо сказать, что это проявление сложившегося веками уважения старших?

Для занятий с нашими студентами в лаборатории аудитория с доской. Все, что написал на доске, нажатием кнопки вводится в компьютер и может быть тут же напечатано. У меня рабочая станция, как у каждого преподавателя и студента, работающего в лаборатории. Кроме того, в офисе мощная персоналка. Маленький компьютер стоит дома. Конечно, в лаборатории FAX, ксерокс, кондиционер, горячая и холодная вода, кипятильник. На нужды, связанные с преподаванием и научной работой, каждый из нас мог тратить сумму, эквивалентную примерно двадцати тысячам долларов в год. Все это было потрясающе. От этого времени у меня осталось две статьи в соавторстве с Варшавским и Мараховским.

В нашем интернациональном университете рабочих языка два – японский и английский. Знать японский не обязательно. Читать лекции можно и на английском. В течение первого года мы пытались выучить японский на специальных, для нас организованных, курсах. Я уже говорил, что язык очень сложный, и оказалось много более важных дел – научная работа, подготовка лекционных курсов, освоение новой техники, и мы бросили это дело. И не мы одни, но дети русских через год уже говорили по-японски лучше, чем по-русски.

Очень интересно проходили заседания Совета Университета. Для этого был специальный зал, в нем два ряда столов, за ними сидят члены Совета – полные профессора. Во главе президент и директор. Вокруг по стенам на стульях – чиновники из управления университетом. У каждого профессора обозначенное табличкой место с фамилией по-английски и по-японски, микрофон и наушники. Я сижу между Варшавским и Мараховским. Можно слушать выступления непосредственно или в переводе, через наушники. Например, я задаю вопрос по-английски. Переводчица, которую привозят на заседания Совета из Токио, переводит мой вопрос на японский. Мне отвечает президент университета по-

японски. Его ответ переводится на английский. Поэтому, если смешно, то смеются по-очереди.

Бюджет Университета около 80 миллионов долларов в год. Бюджет нашей лаборатории более 150 тысяч долларов. Около миллиона в год на поддержание ландшафта. А это больше, чем бюджет ЛЭТИ – в мое время Ленинградского Ордена Ленина Электротехнического института имени В.И. Ульянова (Ленина), ныне Санкт-Петербургского Государственного Электротехнического Университета – одного из лучших университетов России в области вычислительной техники. Это сказал приглашенный мною в наш университет на обсуждение путей совершенствования высшего образования ректор ЛЭТИ профессор Пузанков.

Богатство университета подчеркивается практически бесплатными, роскошными по японским понятиям, квартирами для профессоров, о чем я уже говорил. За садом вокруг нашего трехэтажного дома ухаживали университетские служащие в той самой форме салатного цвета. Профессора из Токийского университета, приезжая к нам, удивлялись качеству нашего жилья в их такой тесной стране. Не то, что у них в Токио.

Прием для профессоров Университета в *Washington Hotel*. Дают прием мэра города и торгово-промышленная палата. Роскошная еда и питье. В центре внимания оказались внуки-близнецы Виктора. Каждый японец старался поиграть с этими мальчиками. Я был представлен жене ректора, а потом спокойно съел палочками национальное блюдо - *собу*. Это большая плоская очень длинной и тонкой лапши, которую ешь тем правильнее, чем с большим свистом втягиваешь в себя подцепленный палочками пучок этой лапши.

Особое впечатление оставила баня. Описать ее совершенство – нет сил, но главное – угадан каждый твой следующий шаг. В сауне, где температура 110°C, огромный телевизор, пять бассейнов с горячей, 43°C, холодной и настоенной на травах водами, в раздевалке пол с подогревом. Лежат зубные щетки. Долго искал, где же паста. Она оказалась вделанной внутрь щетки. А сколько шампуней, лосьонов, кремов! А какие *юкаты* – халаты, в которых ходить в ресторан и в бар! А если мы сидим на карачках в отдельном кабинете ресторана, то официант будет ползти до нас на коленях. Нельзя стоять, если гость сидит. Баня эта – просто наземный отдел Рая, да и только. Не могу не сравнить эту баню с моей любимой баней на Фонарном, в которую ходил по субботам в Питере, и затем посещал в каждый приезд на родину. В ней теперь сломано все, без чего ее нельзя было бы назвать баней – так, из восьми душей работают только два. Грязь и толстый слой мата не кажутся там странными. Правда, такой парилки и такой банной компании, как там, у меня не уже не будет.

Но в баню мы ходили только первое время, пока не открыли, что гораздо интереснее ходить в онсены – натуральные горячие источники, которых оказалось множество в наших горах. У меня зарегистрировано 34 разных онсена, которые мы посещали. В каждом особый состав воды и указание для чего полезен этот источник.

Теперь в городе. Магазины. Супермаркеты. Японская чистота и порядок. Приветливость, поклоны, поклоны. Деньги берут, протягивая обе руки ладонями кверху и с глубоким поклоном. По-английски в магазинах, да и вообще, в городе не говорит почти никто. Это не то, что почти тридцатимиллионный Токио, хотя там тоже далеко не все понимают английский, но понять тебя могут много чаще.

Айдзувакаматсу – один из трех больших городов префектуры. Но посредине города – рисовые поля. Дома и домики – двухэтажные. Мягкая архитектура. Какое-то очарование от этого города. Дома стоят очень тесно. Это Япония, где почти такое же население, как в России, а площадь, в десятки раз меньшая, занята горами.

Конечно, у каждого дома – садик. Камни, цветы, причудливой формы годами выращиваемые маленькие деревца – банзайчики. Иногда ручеек и даже маленький бассейн с красными карпами. Идеальный японский садик – камни, растения, журчащая вода. Забыл только, что каждая из этих составляющих значит. Ухаживают за ним с особой тщательностью. Сад, как и чайная церемония – один из важных источников наслаждения и место для медитации. Я думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что жили мы, как в раю.

Не удержаться от шуток, которые я бы озаглавил “Русские в Японии” – пара смешных историй, вызванных нашей неподготовленностью к японской жизни.

В Японии мы привыкли к тому, что лакомства бывают самыми странными – не только сырая рыба или конина, но и такое, совсем уж странное блюдо, как сушеные кузнечики. Обычно в супермаркетах можно попробовать разные вкусные вещи. Так вот, в одно из первых посещений супермаркета увидел очень тонкие колечки, лежащие в коробочке, и рядом деревянные палочки, которыми к тому времени уже научился пользоваться. По русской привычке брать все, что на халяву, ухватил палочками побольше этих колечек и засунул в рот. Ощувив отчетливый вкус резины, выплюнул в руку и понял, что это были резиночки для закрывания коробочек с едой. В ужасе оглянулся, не видел ли кто-нибудь из местных, как провалился русский полный профессор. Но, кажется, обошлось.

Вторая смешная история произошла с Виктором. Дело было на скоростной дороге. Как и все сооружения в этой стране, японские скоростные дороги замечательны, особенно места отдыха на них. Прекрасные рестораны, садики с камнями и журчащей водой и, конечно, роскошные туалеты, в которых часто у каждого писсуара стоит букет свежих цветов. Так вот, этот профессор с двумя внуками-близнецами, к ужасу японцев, принял фонтан у входа за роскошный писсуар, которым они втроем и воспользовались. Со мной могло бы случиться такое же. Причина этого – мы всегда были готовы увидеть в Японии любой, сколь угодно высокий уровень красоты.

Отношения с Виктором были очень тесными. Наш первый отпуск мы провели вместе на берегу Тихого океана, в маленьком уютном отеле, на следующий год отдохали в Малазии. Главные развлечения по вечерам – шахматы и преферанс.

Виктор был исключительно талантлив. Во всяком деле он хотел быть первым, и во многом ему это удавалось. Ну, что делать, таким он родился. Жил он, мне кажется, в невероятном напряжении. Интенсивность его жизни была намного выше моей. Но курил очень много, три пачки в день. Почти все время с сигаретой. Именно курение явилось причиной страшной болезни, которой он заболел еще в Японии. Осознав всю тяжесть своего состояния, Виктор решил переехать в Израиль, где медицинское обслуживание было бесплатным при весьма высоком уровне. Может быть, это дало ему несколько лишних лет жизни.

Меня же по достижении 70-летнего возраста уволили, присвоив звание Professor-emeritus, что значит почетный профессор в отставке. За все эти девять счастливых лет еще раз спасибо Виктору Варшавскому.

*Благодарю судеб пересечение.
Годы дружбы прошли хорошо.
Вместе плыли по жизни теченью.
Но зачем ты так рано ушел?*

Габи Якобсон

Где-то в начале 60-х годов в Таллине был создан институт под названием НИПТИ, что в переводе с эстонского звучал как ТУПТИ. Так его и звали: Нипти-Тупти, Нипти-Тупти, как будто кто-то своих собачек зовет. Кстати, скоро собачки перешли под Московское подчинение, и их стали звать таким же пышным именем, как герцога Люксембургского – Научно-технический проектно-технологический институт ордена Трудового Красного Знамени им. Калинина Таллинского электротехнического завода Министерства электротехнической промышленности СССР. Вот так, а вы говорите, что Эстония маленькая!

На самом деле институт был иеплохой. Работали там молодые и энергичные люди, многие из которых здорово программировали, строили ЭВМ, писали статьи и, конечно, работали над своими кандидатскими. Был в институте свой директор, свой зам по науке и даже свой ученый секретарь. Замом по науке был Юло Кэсс, видный мужчина с рыжей шевелюрой, как у льва. Размещался институт в зданиях бывшей табачной фабрики, так что там всегда немного пахло табаком. За окнами виднелся Таллинский залив, а чуть подальше – пляж Пирита с одноименным рестораном.

Расскажу такую историю. По-видимому, шел 66-й год (Израиль в газетах еще не ругали). Прихожу утром на работу, а одна дверь в коридоре слегка приоткрыта. Заглянул. А там Кэсс с одним молоденьким парнем сидит, который, наверное, на работу нанимается. Развернулся, а мимо проходит Андри Аристе – тот, который ЭВМ делал.

"Слушай, - шепотом спрашиваю Андри, - что это за парень и почему Кэсс его так мучает?". "Аа, - отвечает Андри, - это доктор Варшавский у Кэсса кандидатский экзамен принимает".

В.Б. (Лука) Яковлев

Поздравление Варшавскому по случаю 70-летнего юбилея

Дорогой Виктор Ильич!

С небольшой, но безинерциальной задержкой шлем наши горячие поздравления с Днем Рождения, и самые светлые пожелания поправляться, быть оптимистом и продолжать творить.

От имени всего семейства, Шурик (А.В.Яковлев - сын Луки)

Дорогому Ильичу в день рождения от Луки

*От рождения Ильичу
Все на свете по плечу.
С детства дали ему боги
Светлый ум и силу в ноги.*

*Очень рано стал отцом
И классическим борцом.
А потом, шутя, от скуки,
Разыскал свой путь в науке.*

*С Лёкочкой, легко, проворно
В синтез внес аккорд мажорный.
Прошел логики пороги,
Не застряв на полдороге.*

*Далее вполне толково
Взялся он за дело снова,
Описав в своем твореньи
Автоматов поведение.*

*От него его ребята
Поняли, что автоматы
Не ведут себя пассивно,
А решают коллективно.*

*Как им быть, когда резонно
Не всем в такт, а асинхронно,
Не сидеть и ждать на мели,
А идти к конечной цели,
И в теории, и в деле!*

23 февраля 2004г., Лондон

Н.А. Стародубцев

Я вспомнил одну шутку Ильича, которая мне понравилась, но нигде, кажется, не описана. Летом 1991 года, незадолго до путча ГКЧП, на фуршете в гостинице *Прибалтийская* Варшавский пересказывал свой разговор с вице-президентом фирмы *Томпсон*. Тот сказал Ильичу:

– Мы очень скептически относимся к инвестированию в научные исследования. За последнее время мы инвестировали 500 миллионов франков и получили нулевой результат.

– Напрасно, – парировал Ильич.

– Вы могли бы инвестировать в десять раз меньше в советскую науку и иметь тот же самый результат!

Характерный для Илича юмор, не правда ли?

В.А. Боровиков

Два эпизода, связанных с Витей.

«На комаровских школах вечерами мы регулярно играли в преферанс. После каждой пульки Витя аккуратно прятал расчерченный лист - это был «отчетный документ для жены».

«В характеристику с места работы, которую Витя должен был представить на вторую докторскую защиту, его сотрудники предложили вставить фразу: «не замыкается в узких рамках семейной жизни».